

УДК 94(470)1894/1904

DOI 10.26456/vthistory/2024.1.031–047

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИСТОВ И ЛЕГАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Д.В. Рыбин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста),
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье излагается краткая история преследования умеренно-либеральных групп юристов Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на то, что каждый эпизод выглядит как самостоятельное явление, они объединены по нескольким общим признакам. В том числе, либеральные легалисты – объект преследования – были тесно связаны между собой; преследования происходили одновременно; репрессии не носили чрезмерный характер, а скорее напоминали «одергивание»; подавление небольшого движения привело к объединению праволиберальных групп и их совместному выступлению против самодержавия. В нашей работе мы выделяем политику давления в отношении крупных легалистов: А.Ф. Кони, К.К. Арсеньева, И.П. Закревского, П.А. Гейдена; ликвидацию Вольно-Экономического общества и Московского Юридического общества; отставки и переход в оппозицию отдельных известных общественных деятелей.

Ключевые слова: либеральные легалисты, консервативный либерализм, репрессии, Вольное Экономическое общество, Московское Юридическое общество, Санкт-Петербургская Городская Дума, А.Ф. Кони, Б.Н. Чичерин.

К 1894 г. движение легалистов (либеральных юристов) оказалось не в самом лучшем положении в общественно-политической системе империи. Консервативная политика Александра III ослабила их позиции в высшем государственном слое. И хотя многие из них занимали высокие ответственные посты, они не могли в существенной степени повлиять на политику империи. Ситуация для них изменилась в худшую сторону после восшествия на престол Николая II.

При слабом императоре значительную власть в своих руках сосредоточили его дяди – великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович и Сергей Александрович Романовы. Нехватка интеллекта и личная непорядочность компенсировались у них чрезмерным консерватизмом. Чем более они были аморальны, тем сильнее проводили в жизнь устаревшие принципы дремучего консерватизма. Им в этом помогали Победо-

носцев и некоторые другие сподвижники покойного царя. Таким образом, разумная и осторожная консервативная политика Александра III сменилась примитивной традиционалистской реакцией. В новом мире даже для умеренных праволиберальных политиков, для разумных вельмож места уже не оставалось. Легалисты, а также все консервативно-либеральные группы (даже монархические) превратились в «пособников революционеров»! Против них развернулся репрессивный аппарат государственной машины.

Кампания против легалистов включала изоляцию лидеров легализма А.Ф. Кони и Б.Н. Чичерина, подчинение легалистских организаций, например, Вольного экономического общества (далее – ВЭО), ликвидацию части из них (Московское юридическое общество), отстранение и увольнение от должностей легалистов (И.П. Закревского и пр.), выдавливание их из органов местного самоуправления (М.М. Стасюлевич). Как единое явление историками данная проблема не рассматривалось. Факт наличия крепких связей между легалистами, одновременность репрессий исследователи не заметили.

Преследования были изучены только в отношении отдельных организаций или личностей. Например, работа подразделения ВЭО – Комитета грамотности была рассмотрена А.Н. Андреевой и Н.Ф. Гриценко. В частности, Гриценко подробно восстановила историю конфликта ВЭО и правительства из-за Комитета грамотности, ставшего прологом для гонений на общество¹. Дальнейший конфликт ВЭО с государством постаралась описать Н.Ф. Гриценко². Кризис во взаимоотношениях государства и либеральных юристов/экономистов закончился закрытием ВЭО и ряда других экономических обществ³.

Отдельный блок исследований составляют работы ученых посвященных судебной контрреформе 1880-1890-х гг. В их числе капитальный труд Н.В. Немытиной⁴, публикации А.А. Сорокина⁵, Ю.В. Щедриной⁶,

¹ Андреева А.Н. Комитет Грамотности императорского вольного экономического общества // *Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703–1918. историческая энциклопедия*. СПб., 2016. С. 274–275; Гриценко Н.Ф. Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2014. № 2 (2). С. 99–108.

² Гриценко Н.Ф. Официальная доктрина внутривластного курса России конца XIX века (политические и духовные аспекты внутренней политики): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000; *Ее же*. Изменение состава и активизация деятельности Вольного экономического общества в конце XIX в. // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 1996. № 4. С. 67–78.

³ Беспятова Е.Б. Экономические научные общественные организации России (XIX– начало XX вв.) // *Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики*. Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 33. С. 61–66

⁴ Немытина М.В. Суд в России: 2-я половина XIX– начало XX века. Саратов, 1999.

⁵ Сорокин А.А. Деятельность Комиссии Н.В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2014. № 4 (17) С.208–217; *Его же*. Итоги работы комиссии Н.В. Мура-

Ю.М. Понихидина и И.А. Игнатенко⁷ и др. Современный и наиболее подробный очерк работ по этой контрреформе был дан К.П. Краковским⁸. В том числе К.П. Краковский подробно описал борьбу А.Ф. Кони за сохранение основ Судебных уставов 1864 г.⁹

При подготовке данной работы был привлечен значительный комплекс документов из фондов Российского государственного исторического архива (Вольного экономического общества, министерства земледелия и государственных имуществ – МЗГИ, МВД, Министерства юстиции), из фондов Государственного архива Российской Федерации (департамента полиции, Московского охранного отделения, фондов Б.Н. Чичерина, А.Ф. Кони), Российского государственного архива литературы и искусства (фонд К.К. Арсеньева), Центрального государственного исторического архива (фонд Петербургской Городской Думы), Рукописных отделов РГБ (фонд Д.А. Милютина), Института русской литературы (фонд А.Ф. Кони) и прочих архивов. Обращает на себя внимание, что конфликт общества и государства описан в личных дневниках и воспоминаниях активных участников – К.К. Арсеньева, графа П.А. Гейдена, А.Ф. Кони очень схематично. Последующие события затмили противостояние, казавшееся в благополучной России чем-то немислимым, но оказавшееся в революционной России мелким и несущественным.

Одним из первых объектов давления стал лидер легалистов А.Ф. Кони. Легалисты были недовольны работой комиссии по судебной реформе министра Н.В. Муравьева. В своем дневнике К.К. Арсеньев приводит пример конфликта между юристами возникшими в октябре 1896 года по вопросу о стадии предания суду (на заседании подкомиссии по уголовному судопроизводству). В.Ф. Дейтрих предлагал расширить права прокурора за счет следствия и суда. А.Ф. Кони, Н.Д. Чаплин, В.К. Случевский и В.И. Лихачев были против. Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, А.К. Вульфферт, В.Р. Завадский, И.Г. Щегловитов, И.В. Мещанинов поддержали «разрушительный проект». К.К. Арсеньев предложил мягкий, промежуточный вариант, предусматривающий возможную отмену обвинительной камеры

вьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 385–395.

⁶ Щедрина Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 115–131.

⁷ Понихидин Ю.М., Игнатенкова И.А. Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судостроительства комиссией Н.В. Муравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5 (51). С. 206–212.

⁸ История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). М., 2020. С. 12–31.

⁹ Там же. С. 324–364.

при согласии подсудимого¹⁰. Такие споры постоянно возникали до конца работы комиссии.

Напряжение росло в момент обсуждения судьбы суда присяжных. Основные докладчики – Н.В. Муравьев, В.А. Желеховский выступали за существенное уменьшение круга полномочий суда. А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев и другие защищали суд. Препирательства длились часами¹¹. В ноябре 1897 г. обсуждалось расширение апелляции за счёт кассации. А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, И.Я. Фойницкий, Н.Н. Шрейбер выступали категорически против, но 10 голосами против 8 их возражения были отвергнуты¹².

Судебный корпус подлежал бюрократизации, вводились новые судебные учреждения, что ещё больше запутывало судебную систему, следствие возвращалось в полицию и т.п. Возмущенный А.Ф. Кони протестовал против разрушения уставов 1864 г. Но зачастую он оказывался в одиночестве. Многие его бывшие друзья и соратники, почувствовав настроение царского двора (например, Н.С. Таганцев), перешли на сторону министра юстиции Муравьева. Сопrotивление А.Ф. Кони, который выносил дискуссию на суд общественности, стоило ему в декабре 1896 г. должности оберпрокурора Уголовно-кассационного департамента (далее – УКД) Сената. А несколько позже А.Ф. Кони вообще был удалён из УКД и направлен в Общее собрание 1-го и 2-го департаментов Сената (административных), своего рода «свалку старых маразматиков», как он сам их однажды определил (в 1900 г.). Сам этот перевод А.Ф. Кони в мемуарах обставил якобы своей болезнью, нежеланием выступать обвинителем по политическим делам и прочими причинами. Но на самом деле причина была политическая. Консервативная группа чиновников выдавила либерального бюрократа из активной политики. Он попал в число «неприкасаемых», не участвовал в проектах переустройства права, бурно размножавшихся в начале XX в., подвергался мелочным препонам со стороны министра юстиции и пр.

В 1897 г. новое раздражение вызвал «забытый» идеолог легализма Б.Н. Чичерин. Вместо того, чтобы тихо работать в своем тамбовском имении Караул ученый вдруг выступил с идеями, которые показывают его эволюцию от либерал-консерватизма в сторону большего либерализма. Можно предположить, он устал ждать трансформации режима, чувствовал свою невостребованность и решил, наконец, высказать свои либеральные убеждения более открыто, чем он делал это раньше. Разгорелась полемика между Б.Н. Чичериным и Н.К. Реннекампом (профессор из Киева). Вопрос стоял о правовом статусе евреев и поляков. Б.Н. Чичерин настаивал на уравнивании прав религиозных и национальных групп с другим населением в категоричном тоне. Выступление «гуру» вызвало активную переписку

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 40. Оп. 1. Д. 34. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же. Л. 101.

между легалистами и положило начало их размежеванию. В МВД же активное обсуждение запретных вопросов вызвало новое раздражение¹³.

Споры о национальностях имели продолжение на страницах писем старых друзей – Б.Н. Чичерина и Д.А. Милютин в 1899 г. Чичерин настаивал на внесение в политику нравственных начал. Д.А. Милютин указывал, что это поведёт к развалу государства. Б.Н. Чичерин развивал свои идеи о сохранении статуса Финляндии, расширении статуса Польши и о равноправии евреев. Это вызвало новое раздражение полиции¹⁴. Спор дошёл почти до полного разрыва двух умеренных либералов. Размежевание между группами либералов усиливалось – за самодержавие или против?

Большой резонанс вызвала кампания против ВЭО, во главе которого стояли легалисты П.А. Гейден и К.К. Арсеньев. Недовольство деятельностью общества нарастало несколько лет. Министр госимуществ и МВД неоднократно просили П.А. Гейдена обуздать молодёжь на заседаниях общества, но безуспешно. Полиция пристально следила за обществом. По данным агентов якобы в обществе (3-е отделение) в 1890 г. образовался «земский кружок», состоящий из земских деятелей и учителей, которые планировали сопротивляться правительству! Большинство из них сосредоточилось в Комитете грамотности. Члены Комитета обвинялись в «плохих контактах», массовой рассылке народной литературы «тенденциозного характера». Под давлением МВД было принято решение ликвидировать комитет в 1894 г. Ликвидация растянулась на 6 лет. Издания Комитета конфисковались и уничтожались¹⁵.

Очередным объектом раздражения для власти стала деятельность Комитета помощи голодающим (создан 19 марта 1898 г.). И тут вставал вопрос, а где же государство? Чиновники вяло реагировали на социальное бедствие, МВД было встревожено. 15 июня 1898 г. министр земледелия направил письмо, в котором потребовал ликвидировать Комитет и передать финансовые средства в Красный Крест. Совет ВЭО пытался возражать, но комитет ликвидировали¹⁶.

Особое недовольство вызывало 3-е отделение общества. На нём обсуждались вопросы об отмене смертной казни, о финансовой политике правительства, о налоговой системе, народном образовании и пр. Обсуждения часто сопровождалась критикой правительства. «Последней каплей» стали доклады М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве 21 февраля 1898 г. о соотношении марксистов и народников¹⁷.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1154. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–6.

¹⁴ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее – РО РГБ). Ф. 169. Картон 77. Д. 54. Л. 1–24; Ф. 334. Картон 5. Д. 1. Л. 25–38.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 202. Л. 48–50; Д. 674. Л. 22–30.

¹⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 201. Л. 54, 150–153; Оп. 2. Д. 100. Л. 27–30.

¹⁷ Там же. Д. 674. Л. 30–34, 100; Ф. 398. Оп. 61. Д. 19478. Л. 40.

Руководство ВЭО, по мнению чиновников, на замечания не реагировало, и 20 апреля 1898 г. И.Л. Горемыкин и А.С. Ермолов запросили императора о начале пересмотра Устава ВЭО, на что они и получили санкцию. МВД получило право запрещать какие-либо публикации ВЭО и об ВЭО в прессе¹⁸. Неоднократные попытки П.А. Гейдена и Совета ВЭО объяснить или отстоять свою позицию ни к чему не приводили. Члены общества представляли ВЭО как самое влиятельное общественное учреждение России, которое унизили «на ровном месте». Все обвинения они отвергали, изменения Устава воспринимали как покушение на права общества¹⁹. Летом 1898 г. МЗГИ получило право временно приостанавливать деятельность общества, но не спешило им воспользоваться (на чем настаивало МВД)²⁰.

11 января 1899 г. было учреждено особое совещание для пересмотра Устава ВЭО. При этом ни один член ВЭО не был приглашён в его состав. Речь шла о «наказании». Архивные документы о «наказании» общества не содержат ни одного указания, в чём же заключалось «противоправительственное направление» деятельности общества, ни одного примера нарушения Устава. Иначе говоря, МВД преследовало иные цели, наказывая и умиряя ВЭО.

29 мая 1899 г. состоялось основное заседание Особого совещания по делу о пересмотре Устава. Присутствующие заслушали обширную речь министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Последний отмечал, что противостояние общества и государства стоит отсчитывать с 1895 г., когда было принято решение об отделении Комитета грамотности. Отношения ухудшились после закрытия Комитета помощи голодающим в 1898 г. В 3-м отделении общества рассматривались всё более радикальные темы. В чём же причина, задавался вопросом И.Л. Горемыкин. Он видел ее в неоднородном составе ВЭО с 1890-х гг., а также в бесконтрольном допуске на заседания общества молодежи. Министр предлагал вернуть ВЭО к сельскохозяйственным задачам, перестать нарушать Устав, усилить контроль Министерства земледелия и госимущества за ВЭО, расширить права президента по допуску лиц на собрания, извещать Минимущество о тематике заседаний, расширить права Совета общества по назначению руководителей ВЭО²¹.

Итогом истории может служить записка, представленная директором департамента земледелия Н.А. Хомяковым министру земледелия (16 июля 1898 г.). Перечислив претензии МВД, он задавался вопросом – зачем вообще изменять устав? Упорядочит ли это деятельность общества? Есть ли необходимость изменять устав в данный момент? Общество нарушало закон и устав. Что же было предпринято МЗГИ? Комитет помощи был закрыт, эмиссаров общества для помощи голодающих вернули. Изменение

¹⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Ф. 91. Оп. 1. Д. 202. Л. 48–50; Д. 674. Л. 22–30; Ф. 569. Оп. 1. Д. 232. Л. 30–33.

¹⁹ Там же. Ф. 91. Оп. 2. Д. 100. Л. 27–37.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 674. Л. 68–70.

²¹ Там же. Д. 675. Л. 1–11.

устава не прекратит нарушения закона, само по себе. Соответственно изменять устав не имеет смысла. Назначение президента вместо его избрания не сделает его автоматически лучше. Запрещение публичных заседаний также не принесет пользы. Введение процедуры ликвидации общества будет воспринято как угроза. Завуалированное наказание общества вызовет толки и недовольство.

По мнению Н.А. Хомякова, общество выполнило все требования, и наказывать его не следует. Н.А. Хомяков обращал внимание, что временное приостановление деятельности общества будет хуже, чем его закрытие и вызовет массовые протесты и недовольство²².

В 1900 г. работа ВЭО постепенно замирала, большинство комиссий перестали работать. Члены общества близкие к социалистам стали подвергаться преследованию²³. 8 апреля 1900 г. вышло императорское повеление. Посещение любых заседаний общества посторонними было запрещено. Программы и темы докладов на утверждение МЗГИ представлялись до рассылки повесток. Открывать комитеты, комиссии, устраивать съезды, посылать членов общества в командировки, рассылать программы, собирать сведения можно было только с согласия министра ЗГИ.

В составе ВЭО образовалась временная комиссия для пересмотра устава. В нее вошло 8 членов общества по должности и 8 членов общества, выбранных министром ЗГИ (в основном из числа старых, консервативных членов) во главе с председателем В.И. Вешняковым. Выработанный проект подлежал совместному утверждению МЗГИ и МВД.

Такое решение вызвало негодование в обществе. 15 апреля собрался Совет общества, которое приняло решение – министерство не извещать, согласия его не испрашивать, общие собрания и собрания отделений не проводить, активность не проявлять (создание комиссий, запрос сведений и пр.). Было решено проводить только собрания, имеющие административный характер²⁴.

Председатель В.И. Вешняков составил проект изменений устава. В том числе, предлагалось «освободить» общество от рассмотрения вопросов, не связанных с сельским хозяйством, ограничить доступ в общество с помощью разных цензов, установить предельные размеры членов общества, реорганизовать структуру общества, существенно ограничить права на посещение собраний посторонними лицами (молодежи запретить), расширить права Совета и Президента, ограничить права членов, которые не платили членские взносы, ввести редакционные комитеты при отделениях и пр.²⁵. Но этот проект членов комиссии не заинтересовал. После бурных обсуждений почти все предложения председателя комиссии были отвергнуты. Предложения

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 266. Л. 73–75.

²³ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 29–31, 36, 75.

²⁴ Там же. Л. 75, 293–297; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 569. Оп. 13. Д. 15А. Д. 94–95.

²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 203. Л. 78–93.

комиссии сводились к косметическим изменениям устава. Предлагалось внести редакторские правки²⁶. То есть «гора родила мышь».

Постепенно число членов общества уменьшалось, выборы новых членов прекратились. В 1901 г. временно перестали выходить Труды общества. Вопрос об уставе медленно обсуждался в течение 5 лет. Многие перестали платить взносы. Комиссии, собрания собирались все реже²⁷. Совет ВЭО собирался в 1901–1904 гг. только два раза в год. Из-за периодических обысков часть статистических материалов, переписки, изъятия которых опасались члены общества, была вывезена и спрятана на частных квартирах.

Следующим объектом критики и нападок стало Московское юридическое общество. Общество всегда было пристальным вниманием полиции, считалось рассадником либерализма. По мнению полиции якобы, общество радикализировалось в 1880–1890-х гг.

Деятельность председателя общества – С.А. Муромцева давно привлекала внимание полиции. С 1880 (?) г. за ним был установлен негласный надзор. Периодически московскому обер-полицмейстеру докладывали о Муромцеве (в 1880 и 1888 гг.). 2-й Департамент полиции МВД собирал о нём сведения. На его соратника, соредатора Юридического Вестника и товарища по юридическому обществу В.М. Пржевальского также составлялась негативная характеристика²⁸.

Доклад полиции рисовал картину крайне опасного и враждебного общества. С.А. Муромцев (председатель), В.А. Гольцев (магистр политических наук), А.И. Чупров, Н.П. Каблуков (магистр) считались «неблагонадежными людьми с крайне либеральным направлением и революционными связями». В драматических красках полиция сообщала, что они организовали кружок в 150 человек, прикрывшись легальным статусом юридического общества, обсуждали опасные вопросы. На публичных лекциях «распропагандировали» молодёжь.

Один из спикеров – И.И. Янжул – в 1888 г. сделал доклад о том, как иностранная пресса воздействует на русское правительство. Присутствующие одобрили доклад, особенно В.А. Гольцев. По данным полиции ЮО превратилось в «конспиративное совещание кружка неблагонадежных лиц». Во главе общества встали лидеры-легалисты М.М. Ковалевский, В.А. Гольцев, С.А. Муромцев и А.И. Чупров. «Партия» сформировалась в январе 1888 г. и разделилась на две группировки: либерально-прогрессивную (Муромцев и Чупров) и радикальную (Ковалевский, В.А. Гольцев, А.А. Рождественский, М.Я. Герценштейн). Первая «партия» предлагала ввести парламентский строй, вторая «социальный строй» (?). Через журналы Юридический Вестник, Русская мысль пропагандировался либерализм.

²⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 187–231; Ф. 398. Оп. 67. Д. 20953. Л. 6–19.

²⁷ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 203. Л. 34, 35, 87; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 15А. Л. 124–126, 182–199.

²⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1891. Д. 282. Л. 8.

Легалисты планировали распространять в Европе идеи русского либерализма. Для этого был подготовлен цикл лекций: В.А. Гольцев – «Представительные собрания и свобода личности в России»; М.М. Ковалевский – «Судьбы современного российского общества»; И.И. Янжул и А.И. Чупров – «Основа народного хозяйства в России» и пр. Эти лекции читались в редакции Русской мысли и редактировались. Беспокойство вызывала связь легалистов с либералами в Европе, в частности с газетой «LeFigaro», а также с Русской Высшей школой общественных наук (Свободный колледж социальных наук до 1901 г.), с которыми сотрудничали Ковалевский и Гольцев.

По данным полиции, из 372 членов ЮО в 1897 г. – 119 были под подозрением. «Эти лица начали усиленную пропаганду среди земств. Мы даже были вынуждены приостановить действие земской статистики» – сокращались полицейские чиновники. Еще в 1889 г. председатель С.А. Муромцев получил предупреждение от графа И.Д. Делянова, что впредь за допущение чтения доклада экономиста Н.А. Каблукова («рисовавшего Россию в мрачных красках») ЮО будет закрыто²⁹.

С.А. Муромцев вызывал личное раздражение у генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича (судя по материалам полицейских отчетов). 26 мая 1899 г. состоялся доклад Муромцева в МГУ к 100-летию Пушкина, в Министерство народного просвещения от юридического общества был направлен адрес (в то время адрес считался общественной декларацией). В своём выступлении Муромцев говорил о Пушкине как о свободной русской личности, подчеркивая, что он мечтал о свободе и законности. Узнав об этом выступлении, генерал-губернатор потребовал от Министерства народного просвещения «неотложно закрыть» ЮО. Великий князь Сергей подчеркивал, что тенденциозный адрес от ЮО был не первым проявлением его вредительской деятельности. Министр народного просвещения Н.П. Боголепов незамедлительно, без объяснения и лишних правовых процедур ликвидировал общество 12 июня 1899 г.³⁰

9 июля 1899 г. П.Н. Обнинский и С.А. Муромцев подали жалобу в Сенат на распоряжение министра просвещения о ликвидации общества. В ней П.Н. Обнинский указывал, что ликвидация была произведена в нарушение действующих правил, которые, по его мнению, предполагали таковую только по решению Комитета министров. Ликвидация была такой поспешной, что не имела серьёзного обоснования, оставляла открытым вопрос об имуществе общества. Признавая А.Ф. Кони в качестве лидера легалистов, П.Н. Обнинский советовался с ним о продвижении жалобы, уточнял его мнение. А.Ф. Кони поддерживал москвичей, в то же время воздействовал на ЮО Петербурга, призывая к осторожности и аккуратности³¹.

К 1903 г. дело дошло до рассмотрения в суде. Министерство народного просвещения попросило Сенат снять вопрос с рассмотрения. Был за-

²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 425. Л. 1–4.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 494. Л. 2.

³¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 669. Л. 1–3; ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1207. Л. 12–15.

прошен ответ московского генерал-губернатора. Он крайне примечателен тем, что в нём отражено предвзятое отношение к либерализму и представлены фантастические взгляды не очень грамотных людей на освободительное движение.

Великий князь Сергей Александрович констатировал, что «либеральная партия враждебна общественному и государственному строю национальной России». Либералы представляют особую опасность для России «они умеренные, так как образованны». Скромные требования этой «партии» преподносились как нечто порочное. «Появление за последние годы множества частных обществ, с либеральным направлением также есть результат деятельности заправил бывшего Юридического общества». Наконец, князь торжествовал: «Мы нанесли им удар! Если бы не закрыли, то дальше они больше бы возбуждали людей и достигли бы опасных размеров»³². Обращает на себя внимание, что человек, беспокоящийся за судьбу страны, традиционалист, защитник родины от слабых интеллигентов сам был глубоко безнравственным и порочным человеком, о чём свидетельствует его переписка, обнаруженная в архивах. Двуличие великого князя комфортно уживалось в его аристократической душе.

21 июля 1904 г. жалоба Муромцева-Обнинского поступила на рассмотрение императора, но по просьбе дяди он отказал в восстановлении ЮО. Император утвердил решение МНП о закрытии общества. В итоге 5 сентября 1905 г., рассматривая жалобу двух юристов, Сенат оставил её без рассмотрения. Общество было восстановлено только в 1912 г.³³ С 1896 по 1905 гг. петербургские юристы также добивались разрешения на проведение второго съезда российских юристов. Минюст и МВД разрешение не дали.

В 1890-х гг. среди сенаторов 2-го Департамента Сената выделялся И.П. Закревский. Из-за тяжёлого характера он не пользовался авторитетом у коллег. Легалист по убеждениям, он часто отдыхал и жил во Франции, вступал во французские организации, получал медали. Но любовь к Франции не приобрёл, выпуская статьи в английских и французских газетах, он подвергал критике российско-французское сближение.

В Times появилась заметка И.П. Закревского по делу Дрейфуса. Последовал запрос французского МИД об официальной позиции Российской империи по этому поводу. МИД Франции посчитал, что тон и содержание письма не соответствуют официальному положению И.П. Закревского. 15 сентября 1899 г. от В.Н. Ламздорфа (МИД) поступило письмо товарищу министра юстиции П.М. Бутовскому. Последний 3 октября запросил И.П. Закревского. Сенатор написал министру юстиции Н.В. Муравьёву объяснение. Вместо оправдания он возмущался дипломатической цензурой и даже позволил себе обвинить дипломатов во вмешательстве в мнения частных лиц!

³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 425. Л. 1–13.

³³ Там же. Л. 1–13; РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 494. Л. 2.

9 октября 1899 г. министру юстиции пришлось написать императору характеристику на И.П. Закревского. Н.В. Муравьев отмечал его как опытного, ответственного чиновника, владеющего несколькими языками, ежегодно участвующего в конгрессах. И.П. Закревский был богат и материально независим (у него было миллионное родовое/благоприобретенное наследство). Среди недостатков И.П. Закревского министр юстиции указывал «...крайнюю самоуверенность, самомнение, бестактность, страсть к парадоксам, рисовке и оригинальничанью». Н.В. Муравьев также подчеркивал, что И.П. Закревский «преувеличивая свои достоинства..., считает себя недостаточно оцененным и последние годы находится в каком-то хроническом раздражении». В характеристике последнего министр писал также: «По своим воззрениям он причисляет себя к так называемому прогрессивному направлению, что своеобразно соединяется у него с личной нетерпимостью, несдержанностью и редким в его годы легкомыслием»³⁴.

По мнению Н.В. Муравьева И.П. Закревский был противником пересмотра дела Дрейфуса, выставлял французские порядки в неблагоприятном свете. «Я двукратно просил его воздержаться от таких писаний, на что получил согласительный ответ. Появление в Times нынешнего, в высшей степени неуместного и неприличного письма его было для меня неожиданностью, которую я объясняю себе тем же странным и необузданным характером г.Закревского, что конечно, отнюдь не оправдывает его поступок». По лукавому мнению Муравьева: «В Петербурге, в обществе и среди сослуживцев сенатора Закревского письмо его в газету Times вызвало единодушное негодование»³⁵.

Сенатор И.П. Закревский явился к министру, «признал свою вину», сожалел. Передал письменную просьбу об увольнении от службы по болезни. Министр, пытался смягчить мнение императора, указывал, что в XIX в. не было прямого увольнения сенаторов в отставку без прошения. Были случаи объявления сенаторам выговора или неудовольствия. Кроме того, И.П. Закревский сам подал прошение. Однако, взбешенный император начертал: «объявить Закревскому выговор от моего имени и уволить его от службы без прошения. Я возмущён его поступком». Вскоре прочитав вторую статью И.П. Закревского во французской LeSiccle император писал: «только сумасшедший или изменник способен написать подобную мерзость про свою родину!»³⁶. Встревоженный И.П. Закревский 25 октября написал новое письмо Муравьеву. Он просил представить оправдания на имя императора, разрешить издать в виде отдельной брошюры статьи по делу Дрейфуса. К этому времени у Закревского вышло на эту тему 5 статей в Юридической газете, 3 – в «Новостях», 1 – в СПб-ких ведомостях, а также в Times и Le Siccle. Возражая, И.П. Закревский писал министру: «Нель-

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 1–36.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

зя приписывать мне таких намерений, которых я не имел и которые опровергаются всем тем, что я по тому же предмету прежде писал»³⁷.

31 января 1900 г. в Цензурный комитет МВД поступила работа И.П. Закревского «По делу Дрейфуса. Сборник статей». Она обнимала публикации сенатора за 1898–1899 гг., в том числе в иностранной прессе. Комитет указывал на опасность публикации работы. В ней содержались очень нелестные характеристики французского народа, который «примазался» к союзу с Россией. Книга была запрещена. Тем не менее, Закревский пытался безуспешно опубликовать книгу в своё оправдание³⁸.

И.П. Закревский три года добивался аудиенции у императора. В очередном объяснении от 18 апреля 1902 г. он утверждал, что действовал осторожно. Якобы дело Дрейфуса повлияло на него негативно. Печатал в газетах, что не одобрял вмешательство в это дело газет и толпы. Возмущался поруганием гарантий суда, бессилием власти, упадком авторитета, пошлостью, изменностью побуждений, могуществом толпы. «В этом письме для Times я упоминал об отношениях французов к нашему отечеству, которые были поняты не в том смысле. Это моя ошибка, я торопился». По мнению сенатора «французы возгордились, что их поддерживает далекое, мощное царство». Император письмо прочитал, смилостивился и вернул «заблудшую душу» на службу³⁹. На примере дела И.П. Закревского видно, как власть стремилась «осадить» юристов, вздумавших поиграть в политику. С точки зрения правительства, судебные чиновники не должны были выходить за пределы своих узко-профессиональных обязанностей.

Ещё одной ареной конфликта стала Петроградская городская дума. В составе городской управы много лет работал видный легалист, редактор журнала Вестник Европы (далее – ВЕ) М.М. Стасюлевич. Как председатель нескольких комиссий, в том числе, комиссии по народному образованию он принес городу большую пользу и был популярен у значительного числа горожан. М.М. Стасюлевич (как и Чичерин) много лет пытался стать городским головой. Но всякий раз это ему не удавалось. По мере нарастания консервативной политики общественный деятель понял, что стать главой города ему не удастся. По этой ли причине или потому, что его проекты встречали всё большее сопротивление, он решил довести конфликт с администрацией города до конца и «красиво уйти» с должности. По времени этот уход совпал с общей кампанией против легалистов и земцев.

В тот момент городским головой был В.А. Ратьков-Рожнов, не пользующийся популярностью. 8 марта 1900 г. Стасюлевич написал письмо, в котором обвинял городского голову «в возникновении у него “личных дел”» (подразумевался корыстный интерес головы в городских делах). В конце он резюмировал: «Я больше не могу быть в составе управы в качестве члена»⁴⁰. Гласный сообщал, что голова приостанавливал действия по-

³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 1–36.

³⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 426. Л. 1–18.

³⁹ Там же. Ф. 1405. Оп. 538. Д. 56. Л. 54–61.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7843. Л. 5.

становлений городской управы и не доводил об этом до Думы (по инструкции от 5 мая 1895 г.). Были и другие случаи пренебрежения головой постановлений Думы, часто он не объяснял свои действия.

Тут же собралось заседание Думы. Собрание заслушало М.М. Стасюлевича и В.А. Рожнова. Голова был вынужден объясняться: «Я действовал по инструкции», пренебрежения не допускал. Причиной конфликта стало увольнение инженера Алтухова без согласия водопроводной комиссии (решение было обжаловано в канцелярии градоначальника). В.А. Рожнов «с печалью» констатировал, что М.М. Стасюлевич хочет покинуть свой пост, отмечал его заслуги, просил взять отказ обратно, даже отчасти соглашался с мелкими упреками последнего. Кедрин, Тройницкий и Веретенников – сторонники М.М. Стасюлевича пытались взять слово. Председатель никому не дал говорить и перешел к следующим делам. Последовало препирательство с гласными. Заседание было быстро прервано⁴¹.

13 марта 1900 г. состоялось заседание комиссии по народному образованию. Единогласно постановили просить голову – оставить М.М. Стасюлевича (среди гласных его поддерживали легалисты, в том числе графы П.А. Гейден и Н.Ф. Гейден). На новом заседании Думы 22 марта 1900 г. М.М. Стасюлевича вновь просили взять отставку назад. 28 марта 1900 г. редактор ВЕ сделал новое заявление. Управа отменила один из пунктов инструкции при протесте трёх председателей комиссий с замечанием, что их голоса не имели значения. При этом он согласился временно исполнять должность председателя комиссии, на короткий срок.

На заседании Думы 29 марта 1900 г. городской головы с грустью констатировал, что «М.М. продолжает оставаться непреклонным и не желает взять свой отказ обратно. Мотивы его недостаточно основательны. Почему страдает общественное дело... Нет произвола управы. Неужели же М.М. недостаточно знаков признательности и внимания? Еще раз я обращаюсь к нему с просьбой от имени Гордумы взять свой отказ. Пора прекратить эти пререкания»⁴².

После раздумий М.М. Стасюлевич сделал 2 мая 1900 г. новое заявление. «Я просил [провести] выборы нового председателя комиссии на 3 мая. Но в итоге их нет. Пусть тогда будет 10 мая. Нет никаких трудностей для выбора нового председателя. В комиссии 30 человек, из них можно выбрать. Не надо затягивать, много достойных людей». На заседаниях Думы 3 и 10 мая Стасюлевич – отказывался от должности. Наконец уговоры прекратились. 24 мая новым председателем комиссии был избран П.А. Потехин (легалист и адвокат) – 93 голосами за, 19 против. М.М. Стасюлевич остался членом комиссии. Он продолжал скандалить, придираясь к нарушениям разных процедур. Конфликт утих к концу года⁴³.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7843. Л. 1–20.

⁴² Там же. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 1–20.

В своём письме к В.В. Хижнякову (секретарю ВЭО), 2 ноября 1903 г., грустный граф П.А. Гейден писал: «Теперь нет гражданских убеждений и везде пошел хам. И хамы ведут, не ведая того, Россию к гибели. Не может человек зависимый иметь честных и смелых убеждений. Не может кастрированное общество полезно работать. Но пока свободу смешивают с революцией – то ничего путного не выйдет»⁴⁴.

В переписке с Б.Н. Чичериным разочарованный лидер легалистов А.Ф. Кони неоднократно жаловался на «нездоровую» общественную атмосферу в России в начале XX в. «Литературное, общественное и уличное хулиганство победоносно подымает голову. Подчас русская жизнь представляется мне замкнутой в какой-то вагон, где курят, шумят, орут пьяные песни, играют в карты и явно и тайно грабят друг друга, а между тем вагон сошел уже с рельс и мчится по так называемому мертвому пути...» (из письма к Чичерину от 30 декабря 1903 г.)⁴⁵.

Все указанные события происходили одновременно и в отношении группы лиц тесно связанных между собой. Поэтому, хотя официально преследование не было объявлено, но не следует их рассматривать как самостоятельные явления. Кампания по умеренным репрессиям умеренных либералов, предпринятая с подачи дядьев царя и при его поддержке, на рубеже XIX–XX вв. нарушила хрупкий баланс политических сил, сложившихся к моменту смерти императора Александра III. Бессмысленное преследование лоялистов, всего-навсего призывающих к модернизации монархии, было, что называется «стрельбой по воробьям». Она, судя по всему, не имело никакой другой цели, кроме как заставить замолчать городское общественное мнение, загнать политику «под ковер». Выстраивание однополярного консервативного мира было невозможно, но именно за этой недостижимой целью и устремилось новое окружение Николая II.

Ущемление лояльных к власти легалистов и земцев вызвало небывалое возбуждение и раздражение в среде городских интеллигентов. В 1904 г. разнородные либеральные группы действовали согласованно и напористо. При выборах в столичную Городскую Думу они, выдвинув общественных деятелей, заняли 64 депутатских места (40 % от общего числа). Члены ВЭО стали собираться на «частные» заседания без всякого разрешения полиции и министерства земледелия. Земцы и легалисты провели первый и второй земские съезды, игнорируя запреты и угрозы от МВД. Собрания отдельных юридических обществ (например, Харьковского) стали превращаться в политические демонстрации, разгоняемые полицией. Так, государство, расколовшись с группой своих сторонников, сузило свои возможности для политического маневра. В 1905 г. у либералы выступили против действующей власти и стали одними из лидеров освободительного движения в России.

⁴⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 270. Л. 11–12.

⁴⁵ Саионко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. С. 206.

Список литературы:

1. *Андреева А.Н.* Комитет Грамотности императорского вольного экономического общества // Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703–1918. историческая энциклопедия. СПб., 2016. С. 274–275.
2. *Беснятова Е.Б.* Экономические научные общественные организации России (XIX – начало XX вв.) // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 33. С. 61–66
3. *Гриценко Н.Ф.* Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С. 99–108.
4. *Гриценко Н.Ф.* Изменение состава и активизация деятельности Вольного экономического общества в конце XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 4. С. 67–78.
5. *Немытина М.В.* Суд в России: 2-я половина XIX – начало XX века. Саратов, 1999.
6. *Понихин Ю.М., Игнатенкова И.А.* Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судоустройства комиссией Н.В. Муравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 5 (51). С. 206–212.
7. *Сашонко В.Н.* А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991.
8. *Сорокин А.А.* Деятельность Комиссии Н.В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (17) С. 208–217.
9. *Сорокин А.А.* Итоги работы комиссии Н.В. Муравьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 385–395.
10. *Щедрин Ю.В.* Реформирование механизма формирования судебного корпуса в России в конце в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 115–131.

Об авторе:

РЫБИН Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, директор, Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербургский институт (филиал), (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А), e-mail: danilarybin@rambler.ru

PERSECUTION OF LEGALISTS AND LEGALIST ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

D.V. Rybin

All-Russian State University of Justice, *St. Petersburg, Russia*

The work outlines a brief history of the persecution of moderate-liberal groups of lawyers in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries. Despite the fact that each episode looks like an independent phenomenon, they are united by several common features. In particular, the liberal legalists – the object of persecution – were closely related to each other; the persecution occurred simultaneously; the repressions were not excessive, but rather resembled “pulling back”; the suppression of a small movement led to the unification of right-wing liberal groups and their joint action against the autocracy. In our work, we highlight the policy of pressure against major legalists: A.F. Koni, K.K. Arsenyeva, I.P. Zakrevsky, P.A. Heyden; liquidation of the Free Economic Society and the Moscow Legal Society; resignations and transition to the opposition of certain well-known public figures.

Keywords: *liberal legalists, conservative liberalism, repression, Free Economic Society, Moscow Legal Society, St. Petersburg City Duma, A.F. Koni, B.N. Chicherin.*

About the author:

RYBIN Danil Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice, (Russia, 199178, St. Petersburg, 10th line V.O., 19, lit. A), e-mail: danilarybin@rambler.ru, balsak1@yandex.ru

References:

- Andreeva A.N., *Komitet Gramotnosti imperatorskogo vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge, 1703–1918, Istoricheskaya enciklopediya, SPb., 2016, S. 274–275.
- Bespyatova E.B., *Ekonomicheskie nauchnye obshchestvennye organizacii Rossii (XIX – nachalo XX vv.)*, Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroeniya i informatiki, Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki, 2011, № 33, S. 61–66
- Gricenko N.F., *Vlast' i obshchestvo: vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo i liberal'noe dvizhenie v Rossii v konce XIX v.*, Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya, 2014, № 2 (2), S. 99–108.
- Gricenko N.F., *Izmenenie sostava i aktivizaciya deyatel'nosti Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva v konce XIX v.*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 8: Istoriya, 1996, № 4, S. 67–78.

- Nemytina M.V., *Sud v Rossii: 2-ya polovina XIX – nachalo XX veka*, Saratov, 1999.
- Ponihidin Yu.M., Ignatenkova I.A., *Osnovnye polozeniya diskussii, razvernivshejsya pri popytke peresmotra sudebnyh ustavov v oblasti sudoustrojstva komissiej N.V. Murav'eva*, Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava, 2006, № 5 (51), S. 206–212.
- Sashonko V.N., *A.F. Koni v Peterburge – Petrograde – Leningrade*, L., 1991.
- Sorokin A.A., *Deyatel'nost' Komissii N.V. Murav'eva po reforme mestnogo suda i liberal'naya obshchestvennost' v konce XIX v.*, Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva, 2014, № 4 (17), S. 208–217.
- Sorokin A.A., *Itogi raboty komissii N.V. Murav'eva po reformirovaniyu mestnogo suda v ocenkah obshchestvennosti*, Narod i vlast': vzaimodejstvie v istoriiisovremennost', Nizhnij Novgorod, 2017, S. 385–395.
- Shchedrina Yu.V., *Reformirovanie mekhanizma formirovaniya sudejskogo korpusa v Rossii v konce 1890-h – nachale 1900-h godov: proekty komissii N.V. Murav'eva*, Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs, 2014, № 9–2, S. 115–131.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024 г.

Подписана в печать 07.05.2024 г.